

Евгений Малышкин

Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. ISBN 978-5-8679-3701-0.

Евгений Малышкин. Адрес для переписки: СПбГУ, философский факультет, кафедра истории философии, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. malyshkin@yandex.ru.

Время поиска образцов всегда приходится не впору. Искать, на что ориентироваться – значит признаться, что уже давно пора было что-то сделать. В рецензируемой книге мы имеем дело с таким признанием. Сборник, изданный на основе результатов коллективного междисциплинарного исследовательского проекта, посвящен поиску образцов качественно выполненной работы в различных дисциплинах (в него вошли практически все, что должны быть представлены в современном «классическом» университете).

Поначалу с ритма сбивает оглавление. Оно делится на три части: Social sciences, Humanities и Arts & Culture. Почему в российской монографии рубрикация задана на английском языке, нужно отгадать. У меня вышло не очень, делиться не стану.

Более точную характеристику того, что происходит в монографии, мы найдем в статье Александра Филиппова «Политическая социология: проблема классики». Итог статьи следующий: классическое следует понимать как предельно ясное, тогда как современные разработки и в области социологии, и в области политической теории не имеют дела с ясностью различий. Классические понятия в современных условиях не работают по двум причинам: во-первых, нет «своего народа как очевидного, высшего единства» и, во-вторых, сегодня основным контекстом для обсуждения политических феноменов не является идея государства с его ясными границами. Утрата ориентиров и порождает вопрос о классичности как о поиске ясности. Даже если адресаты книги не будут сходиться в том, что называть «ясным» и что значит «образец», книга интересна тем, что указывает на удачные случаи отыскания ясности в недавнем прошлом социальных и гуманитарных дисциплин.

Что же имеет шанс быть проясненным по прочтении? Во-первых, сама история появления термина «классика». К авторам введения испытываешь прямо-таки благодарность за отчетливость в истолковании. И это чувство не покидает читателя даже тогда, когда выясняется, что ничего классического в признанно классическом нет, а если и было, то было задано как-то косо. Образцовой в движении спрямления представляется статья Петра Резвых «Фантом немецкой классики». Немецкий идеализм был зафиксирован в качестве классического в работе Энгельса, который возвестил, что классике настал конец, мы можем с нею распрощаться, да здравствует новое, не ограниченное иллюзиями сознание, предвестником какового и является Людвиг Фейербах. Классиками в советском восприятии Кант,

Фихте, Шеллинг и Гегель были ретроспективно, линейно, и именно линейное описание подвергается в статье пересмотру: проблематизируется не классичность (вкус к подлинному размышлению требует всякую состоявшуюся мысль называть классической), а преемственность учений, и здесь автором статьи явлена здравая и внятная работа.

В огород былой ясности того, что такое классика, подкладывает свой камешек и раздел Humanities. Здесь критерии классичности отыскиваются в гуманитарной литературе, историографии, философии, лингвистике. Литературность противопоставляется Сергеем Зенкиным риторике. Если ритор – это мастер общих мест, то литератор – тот, кто не столько подражает классическому оригиналу, сколько борется с ним. Как всегда обстоятельная и блистательная Ирина Савельева обнаруживает в основании тех работ в области теории исторической науки, что сегодня, с различными оговорками и в разных контекстах, называют классическими, триаду естественное – неестественное – противоестественное (с. 298). Синхроническим и диахроническим связям между элементами этой триады и посвящена статья. Антон Свешников и Борис Степанов ищут критерии классичности в совокупности авторитетных для каждой области знания образцов. Образцы, по мысли авторов, участвуют в конкуренции научных позиций и групп. Авторы прослеживают именно эту конкуренцию, описывая историю маргинализации (в раннесоветский период) и последовавшую на излете советских сил реабилитацию фигуры историка Льва Карсавина в историографии и философии. В итоге сам поиск классичности оказывается более захватывающим, чем искомый результат. И, пожалуй, это общий настрой всей монографии.

Анализу стратегий обыденного понимания классики (вернее, нормативности) в кино, телесериалах, массовой литературе отведен целый раздел Arts & Culture. О соревновании же образцов, но уже в другом ключе (как о canon-making) речь идет в статье Ирины Каспэ. Здесь предпринята попытка не рассматривать борьбу канонов за доступ к силовой вертикали, но расположить обращения с канонами на единой плоскости. Пока я просматривал эту статью, постоянно путался в союзах и логических отношениях: «или-или» или же «и»? Традиционно слеш между ними (и/или) указывает на неоднозначность объема понятия. Здесь же создается впечатление, что автор статьи намеренно отказывается от общепринятой соразмерности объема/содержания концептов. Возможно, это как-то связано с попыткой уйти от вертикального расположения прочтений и принять как «удачные», так и «поверхностные» попытки экранизации классических литературных текстов как равнозначные. Во всяком случае, любопытно. О столкновении «классик» как социальных институтов и порождаемом в этом столкновении литературном процессе речь идет и в статье Бориса Дубина. Но здесь классичность описывается в более традиционном, динамическом дискурсе: учреждение, удержание и развитие канонов описываются в терминах столкновения сил. А вот в статье Натальи Самутиной, помещенной в тот же раздел, речь идет о «почти комичной» (с. 491) ситуации вытеснения классичности в кинематографе: с одной стороны, «классического и классики в кинематографе нет и быть не может», с другой – киноязык наполнен отсылками и цитатами, то есть так или иначе соотнесен с прошлым и с традицией.

Из этой затруднительной ситуации автор видит выход в обращении к анализу различных стратегий порождения аффективности средствами кинематографа, причем особая роль отводится понятию жанра.

Вызов непростой ситуации принимают и авторы экономического раздела. С одной стороны, всякая экономическая теория претендует на универсальность, с другой – осознание временных границ применимости экономической теории по необходимости должно входить в ее состав. Битву за актуальность, по мнению авторов статьи «Классика экономической теории и экономика классики» выигрывает «тот, чья методология имеет перспективное значение» (с. 109). В пример приводятся, в частности, теории Маркса и Коуза. Последний предстает как более актуальный автор экономической теории. Однако в каком смысле Маркс менее перспективен, чем Коуз – интрига, раскрывать которую не стану. Есть интрига и в статье Ростислава Капелюшникова – он начинает с того, что популярность у социологов и экономистов идей Карла Полаanyi, главного героя статьи, всегда вызывала у него недоумение. Треугольник «ум – интерес – недоумение» и определяет сюжетную линию статьи.

В целом же, если не замечать явных ляпов (к примеру, второй и пятый абзацы статьи Андрея Полетаева читатель встречает во введении, дословно), книжка вышла познавательной и задорной – ее и читать интересно, и писать, должно быть, было здорово.